

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080009840-1

ИНДИЙСКИЙ ДАРГАХ В ДИНАМИКЕ:
БЫТ И ПРАЗДНИК НА САКРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ¹

© 2020

Г.Д. СТУКАЛИН ^a^a – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, СПб, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6523-1841; glebstukalin@gmail.com

Резюме: Статья описывает современное состояние ряда ритуалов, проходящих на почитаемой могиле (даргахе) шейха Кутб уд-дина Бахтияра Каки в городе Дели, а также намечает перспективы исследования социальных процессов, происходящих на территории захоронения и отражающих современное состояние мусульманской общины города. Наблюдения за повседневной жизнью и праздниками на даргахе выявляют гетерогенность обрядов, их социальную значимость и динамику развития. Комплекс святой могилы здесь описывается как особое пространство, где различные части комплекса несут разную семантическую нагрузку и, как следствие, разный набор запретов. Совмещение в одном комплексе властных отношений разной природы (базовые правила шариата, святость суфийского шейха и мусульманских аскетов-отшельников, секулярные отношения) выражается физически в четких временных циклах дня и года. Так, главная святыня даргаха непременно закрывается на время пятикратной молитвы, и этот обычай разводит по сторонам святость, исходящую из разных источников – бараки святого шейха и установок регулярного ислама. На нескольких примерах показано, как развиваются или же отмирают ритуалы, связанные с посещением святого места. Попутно затрагивается текущая ситуация на конкретном даргахе, где борьба за ресурсы подогревается разницей идеологий «народного» и обновленческого ислама. Выстраивается система противоборствующих сакральных статусов и экономических полномочий. Материалы собраны в результате полевой работы в марте – апреле 2019 г.

Ключевые слова: Индия, ислам, Чиштия, синкретизм, сакральное пространство, источники святости.

Для цитирования: Стукалин Г.Д. Индийский даргах в динамике: быт и праздник на сакральной территории. *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 122–133. DOI: 10.31857/S086919080009840-1

INDIAN DARGAH IN DYNAMICS:
EVERYDAY LIFE AND HOLIDAYS ON THE SACRED LOCATION

© 2020

Gleb D. STUKALIN ^a^a – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
St Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6523-1841; glebstukalin@gmail.com

Abstract: The article describes the current state of rituals taking place at the revered tomb (dargah) of Sheikh Bakhtiyar Kaki in Delhi, and also outlines the prospects for studying the social processes taking place in the burial site and reflecting the current state of the Muslim community of the city. Observations on dargah reveal the heterogeneity of the rites, their social significance and the dynamics of their development. The complex of the holy grave is described here as a special space where different parts of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90028. The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90028.

the complex carry a different semantic and, as a result, a different set of restrictions. The grave complex combines power relations of a different nature (the basic rules of Sharia, the holiness of the Sufi sheikh and Muslim ascetics, secular relations, etc.), what is expressed in physical space by the clear time cycles of the day and year. So, the main shrine of dargah is certainly closed during the five-time prayer, and this custom articulates the border between sources of holiness – that is, the baraqa of the holy sheikh and the installations of regular Islam. A few examples show how the rituals associated with visiting a holy place develop or die during lifetime of the dargah. Also the article draws attention to the current situation of the struggle for resources of the holy shrine, which is fueled by the difference between the ideologies of “popular” and modernist Islam. That example figures out, how a system of opposing sacred statuses and economic powers is being built. The materials were collected as a result of field work in March–April 2019.

Keywords: India, Islam, Chishti, syncretism, sacred space, sources of the sacral.

For citation: Stukalin G.D. Indian Dargah in Dynamics: Everyday Life and Holidays on the Sacred Location. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 122–133. DOI: 10.31857/S086919080009840-1

ДАРГАХ И СУФИЗМ

Братство Чиштия представляет собой самое многочисленное суфийское братство в Северной Индии, на протяжении веков оно играло главенствующую роль в распространении учения пророка Мухаммада на территории субконтинента. Отличительной особенностью мировоззрения Чиштия на протяжении всей истории братства являлись открытость всем местным религиозным течениям, интенсивный обмен духовным опытом с йогами-натхами, бхактами и представителями иных школ мысли, отношение к благотворительности как красугольному камню деятельности. Суфизм братства Чиштия во многом лег в основу современного индийского ислама с его тесным переплетением мусульманских и местных индийских элементов и почитанием святых, внес огромную лепту в строение индийского мировоззрения в целом. Так, многочисленные течения – от бхакти до современных харизматических неорелигий – построены во многом на фундаменте, сводимом к учению «единства бытия» Ибн Араби, а сакральный характер мусульманских захоронений признается представителями всех конфессий на территории Индии.

Одним из наиболее почитаемых шейхов братства Чиштия является Хваджа Кутб уд-дин Бахтияр Каки (1173–1235), считающийся одним из покровителей города Дели наряду с более известным Низам уд-дином Аулиа и Насир уд-дином Чираг-Дехли, последним из великих шейхов братства. Кутб уд-дин родился в городе Оше и после нескольких лет путешествий осел в Индии, где его духовным наставником (*муришдом*) стал Хваджа Муин уд-дин Гарибнаваз Чишти, похороненный в раджастханском Аджере (порядка 350 км от Дели) [Суворова, 1999, с. 63–75]. Тесная связь, соединявшая ученика и учителя при жизни, играет важную структурирующую роль в формировании обрядов Чиштия и по сей день, тогда как сам Бахтияр Каки стал духовным наставником целой плеяды важных деятелей братства.

*Даргах*² Бахтияра Каки расположен на юге мегаполиса, в историческом районе Мероли (Mehrauli), близ знаменитого минарета Кутуб-Минар, названного в его честь. Весь район богат историческими памятниками, связанными с различными мусульманскими династиями Индии, религиозными течениями и историческими деятелями. Ландшафт района отмечен глубокой символикой: с него в некотором смысле как начинается история мусульманской Индии в Дели (рядом расположены руины крепости Лал-Кот, первого ис-

² Обычно почитаемые мусульманские могилы в Северной Индии и Пакистане принято называть *мазарами*. Наиболее значимые усыпальницы обозначают словом *даргах* (от перс. «порог») – это слово известно лишь на Индийском субконтиненте и в южных районах Афганистана.

торического города Дели, завоеванного Кутб уд-дином Айбеком), так и заканчивается (дворец рядом с могилой Бахтияра Каки служил летней резиденцией Моголов, здесь похоронены последние представители династии, в том числе расположен пустой кенотаф Бахадур-шаха Зафара, умершего в ссылке в Рангуне) [Dalrymple, 2007, p. 14, 40, 439].

Традиция братства Чиштийа на протяжении истории развития и распространения *силсилы*³ на Индийском субконтиненте предполагала тесное взаимодействие с местными религиозными традициями, инклюзивность, приверженность «народным» формам ислама, почитание святых и использование музыки в зикре. Одной из задач проведенного автором полевого исследования было проследить, насколько актуальны и распространены те или иные аспекты учения, как они развиваются и сколь сильно влияют на социальную ткань, в том числе с учетом усиления политического ислама и общего политического фона в независимой Индии, в последнее десятилетие крайне неблагоприятного для мусульманского населения.

В представленной статье, написанной по результатам полевого исследования, *даргах* рассматривается как социальное пространство с собственной структурой локуса и времени, упорядочивающей жизнь значительного числа жителей близлежащего района и канализирующей большие людские и финансовые потоки в период празднеств, выражая тем самым суть суфийского эгалитарного мировоззрения. Описывается также динамика изменений в ритуальной жизни *даргаха*, прослеживаемая на нескольких примерах информантами либо самим автором. Затронут и ряд других проблем, связанных с могилой Бахтияра Каки (к примеру, борьба «традиционной» и «модернистской» идеологии, механизм становления мусульманского святого места, репрезентационные стратегии «хозяев» *даргаха* и проч.), которые планируется более полно раскрыть в дальнейших исследованиях.

Автор прожил год (2012–2013) с исследуемым районе Метрополи, знакомясь с ситуацией в святых мусульманских местах, а в марте – апреле 2019 г. было проведено прицельное полевое исследование на территории комплекса захоронения. С условными стейкхолдерами (группой причастных лиц) был проведен ряд бесед продолжительностью от одного до шести часов, с посетителями и работниками *даргаха* и других близлежащих святынь прошло до полусотни коротких разговоров. Налаженные дружеские отношения с некоторыми информантами позволили погрузиться в «их» даргах, пройти по повседневным маршрутам и местам, важным с точки зрения информанта, а не исследователя. В статье использованы цитаты из интервью, информация о собеседниках дана в сносках.

КОМПЛЕКС ЗАХОРОНЕНИЯ

Комплекс захоронения занимает довольно большую площадь. Sancta sanctorum представляет собой обширный двор, на котором расположена могила самого шейха под куполом на колоннах, небольшое кладбище, курительницы, двое ворот: повседневные и Большие Врата, открывающиеся несколько раз в год по большим праздникам. Вход в этот двор запрещен женщинам⁴, которые могут наблюдать за происходящим через *джали* – мраморные резные решетки, заменяющие стену с одной стороны двора. В абсолютном большинстве известных автору *даргахов* запретное пространство ограничено лишь беседкой на могиле, но в нашем случае таковая отсутствует: запретное пространство охватывает весь двор, и архитектура в известной степени влияет на модели ритуального по-

³ Слово *силсила* многозначно и может либо означать цепочку наследования от шейха к шейху в конкретном братстве (в зависимости от братства это может быть линия «учитель – ученик» либо «отец – сын»), либо быть синонимом суфийского братства определенной традиции.

⁴ В данном *даргахе* эта гендерная несправедливость до некоторой степени компенсирована существованием *мазара* супруги Хваджи Бахтияра Каки, вход в который разрешен лишь женщинам, а также в наличии построенной для удобства женщин отдельной мечети.

ведения. Вокруг усыпальницы расположено несколько обширных дворов, могилы учеников и членов семьи шейха, мужские и женская мечеть, *самахана* для проведения собраний⁵, имамбара⁶, минарет, кухня *лангар*⁷, книжная лавка, заброшенное подземное водохранилище, другие хозяйственные и жилые помещения. На территории или по соседству с ней живут представители семьи потомков шейха (*пирзаде*, мн. *пирзадеган*), семейство исполнителей *каввали*⁸, имамы мечетей, располагается офис Управляющего комитета *даргаха*⁹, работают уборщики и работники *лангара*. В *самахане* и в коридоре перед главным входом даже ночью довольнолюдно: здесь ночуют паломники и нищие. Все пространства отмечены разной степенью сакральности по мере удаления от основной могилы. Так, на перекрестке, где расположен центральный вход на территорию *даргаха*, ворота, ведущие к основным мечетям и к самой могиле, книжная лавка и еще одна небольшая мечеть, исполняют *каввали* и стоит огромный чан для сбора пожертвований (*декх*), все стараются вести себя подчеркнуто уважительно и разговаривать негромко. По мере приближения к могиле необходимо покрыть голову. При этом на заднем дворе дети свободно играют в крикет, отдыхают домашние животные; соблюдается лишь требование ходить босиком. Центральный вход продолжается длинным коридором, выходящим в десакрализованное пространство улицы, где расположены многочисленные лавочки с ритуальными товарами, помещение для хранения обуви, кафе. Можно легко заметить степень нарастания требований: хождение босиком / покрытие головы / разрешение входа лишь мужчинам¹⁰. Внутри *sancta sanctorum* нельзя поворачиваться к могиле шейха спиной, поэтому посетители пьются к выходу (однако в других точках данного двора, например возле курильницы или в углах под деревьями, это требование не соблюдается).

ОБЫДЕННОСТЬ ДАРГАХА

Основные формы почитания шейха отчасти напоминают индуистские ритуалы. При этом носители традиции довольно четко разделяют, какие аспекты ритуала имеют местное происхождение, а какие зародились в центральноазиатском исламе еще до прихода братства Чиштия в Индию. Так, посетители возжигают благовония в мраморной чаше-курильнице и светильники¹¹ в мраморном шкафу, рассыпают по могиле лепестки роз. Особым вкладом является расстилание по могиле *чадара* – покрывала зеленого либо красного цвета. Еще один ритуал, производимый лишь по особо важным случаям, – *кадам-боси*, целование стоп наставника. Очевидно имеющий аналог в индуизме, этот ритуал, по мнению членов братства Чиштия, зародился еще в первое столетие существования ислама в области Хорасан. На *даргахе* данный ритуал означает, что желающий проинвестировать его становится у изножья могилы, наклоняется под покрывало, закрывающее

⁵ Хотя слово *сама* означает суфийское радение с песнопениями и экстатическими плясками, в настоящее время данное здание гораздо чаще используется для тихих бесед за чаепитием, для раздачи еды и как ночлег для паломников. О проведении музыкальных вечеров внутри информанты упоминали, но за месяц пребывания не зафиксировано ни одного случая.

⁶ Помещение для исправления шиитских обрядов поминовения Хасана и Хуссейна, сыновей Али и внуков пророка Мухаммада. Хотя Чиштия относятся к суннитской ветви ислама, почитаемый шиитами Али играет особую роль для суфизма: большинство *шаджра* (генеалогий братств) берет начало именно от него. Шииты в районе Мероли не проживают.

⁷ *Лангаром* называют раздачу пищи всем желающим в *даргахе*, в первую очередь паломникам, прибывающим на несколько дней, а также и само место, где это происходит.

⁸ Традиция исполнения под музыку суфийской поэзии в Северной Индии и Пакистане.

⁹ *Dargah Managing Comittee* – выборный представительский орган, по решению суда занимающийся управлением даргахом Хваджи Кутб уд-дина Бахтияра Каки.

¹⁰ И, по мнению части информантов, *хиджрам* – традиционной касте трансгендеров.

¹¹ *Дия*, или *дипак* – светильник, представляющий собой заполненную маслом чашку из необожженной глины с ниткой-фитилем.

всю могилу, и лобызает мраморное основание. Человек, контролирующий подход к изножью и поднимающий покрывало, требует немалого денежного пожертвования.

Одобряемым действием является раздача сладостей на территории *даргаха*. Подаренная еда называется *табаррук* и несет на себе «большой *баракат*», т.е. благословение¹². Лепестки роз и чадары продаются в лавочках за пределами даргаха. При этом лепестки в конце дня утилизируются особым образом, а чадары через несколько дней вновь оказываются в лавочках¹³.

Лангар – неотъемлемая часть почти любой мусульманской святыни в Индии (равно как и сикхского храма). В специально отведенном помещении ежедневно утром и вечером готовят 500–600 порций простой еды (утром, как правило, сладкая каша *кхичри*, вечером рис с овощами), лепешки. Несколько раз в год по праздникам *лангары* открывают также имамы окружающих мечетей и члены *пирзадеган*. На содержание основного *лангара* уходит значительная часть подаяний.

Ритуальная жизнь *даргаха* регулируется временными циклами: дневным и годовым. Дневной цикл обусловлен четким разделением между временем молитвы и временем посещения могилы. Жизнь *даргаха* в дни, когда нет празднеств, начинается засветло, с первой молитвой: после призыва муэдзина и молитвы происходит торжественное открытие малых врат после ночного перерыва. В составе первой группы входят члены *пирзадеган*, которые читают особую молитву *фатия*. Во время чтения *фатии* озвучивается *шаджра*, духовная цепь ордена Чиштийа от Имама Али до Бахтияра Каки. После этого двор считается открытым для посещения. Перед каждой следующей молитвой *фатия* читается вновь, ворота закрывают. Вечером, когда после заката читается последняя, пятая молитва, уже после молитвы во двор к могиле шейха проходит небольшая группа людей в составе нескольких *пирзадеган* и уборщиков, часть из них молится. Уборщики закрывают могилу занавесками с той стороны, где за ней можно наблюдать через *джали* (занавески закреплены под открытым куполом). Когда со двора уходят все, двое или трое уборщиков (молодые парни 16–20 лет) убирают с могилы все *чадары* и цветы, оставляя лишь основное покрывало. После этого центральный двор закрывается на ночь.

Способ разделения пространства даргаха с точки зрения места для молитвы крайне примечателен. Пятикратная молитва (*намаз*, *салаат*) – один из основополагающих элементов «пяти столпов» ислама; для ее совершения нужен лишь молитвенный коврики и необязательна мечеть, т.е. технически молитву можно совершить и на территории главного двора подле могилы Бахтияра Каки. В реальности же имеется артикулированный запрет на совершение молитвы внутри *sancta sanctorum*, т.е. источники природы святости в эпистемологическом плане и на физическом уровне разделяются: молитва мейнстримового ислама неравна поклонению святому¹⁴.

Пирзадеган являются основными носителями традиции братства и исполняют разнообразные функции. На каждом *даргахе* их роль и отношение к этой роли могут сильно варьироваться. Так, в *даргахе* Бахтияра Каки члены семейства в результате судебных тяжб практически устранены от управления финансовыми потоками и жизнью *даргаха*,

¹² Несложно заметить сходство с индуистской традицией раздачи *прасада*.

¹³ Вокруг основного ядра возникает и исчезает целый ряд небольших ритуалов. Бездетные женщины повязывают шерстяные нитки на *джали*; посетители оставляют записки-*мурады* с просьбами к святому; рассыпают зерно для птиц в углу центрального двора. Один из информантов обратил внимание автора на ставшую популярной в последние несколько лет традицию забирать с собой кусочек коры с дерева возле центрального входа. О традиции *мурадов* см., напр.: [Taneja, 2012, p. 586–587].

¹⁴ Вспомним, что многие суфии считают шариа (понимаемый как соблюдение поста и совершение пятикратной молитвы) первой ступенью на пути духовного развития, а *тарикат*, т.е. вступление в суфийское братство, – следующей. Следуя логике поступательного движения, многие Чиштийа, к примеру, не совершают молитв и не блюдают пост в месяц Рамадан.

однако живут на его территории, занимаются бизнесом (один из информантов держит книжную лавку), участвуют в некоторых ритуальных отправлениях наряду с муллами. Посетители *даргаха* могут просить их о совете, о молитве за родственника или о производстве талисмана, выступить в роли хилера-знахаря или экзорциста [Ewing, 1984(1), p. 108–110]. *Пирзадеган* в каком-то смысле освящены *баракатом* предка и поэтому могут производить магические действия [Rahman, 2014].

Интересно, что верхушка контролирующего большую часть финансовых ресурсов даргаха Управляющего комитета (в которую я включаю членов комитета, несколько раз в год проводящих совещание, подобно совету мажоритарных акционеров корпорации, а также главного менеджера даргаха) состоит из приверженцев обновленческого течения ислама (Деобанди). Таким образом, борьба за ресурсы, проходящая на территории даргаха и в залах суда, имеет идеологическую подоплеку и подкрепляется столкновением разных мировоззрений. Приверженцы Деобанди отрицают важность многих суфийских ритуалов, считают исполнение музыки пустым развлечением, ставят под сомнение правомерность молитв на могиле святого (см. интервью с Ф.). Для них статус святого подпитывается не близостью с Всевышним, а его мирскими свершениями в качестве благотворителя. Хотя *пирзадеган* и не говорят об этом противостоянии в открытую, можно предположить, что оно подпитывает существующий конфликт.

Главным достижением Управляющий комитет считает то, что на могиле Кутб уд-дина *пирзадеган* теперь не вымогают деньги у посетителей. Если сравнить ситуацию, существующую, например, на могиле Низам уд-дина Аулия, можно признать, что их гордость не беспочвенна. Те *пирзадеган*, с которыми общался автор в рассматриваемом *даргахе*, утверждали, что «клянчить деньги – ниже достоинства потомка святого». Некоторые посетители, однако, продолжают приписывать им дурные наклонности. Вот пример из интервью с одной из посетительниц:

И ни за что не давайте им денег, Вы что! Это же суице мошенники, они ни копейки не тратят на даргах, только на себя. И лучше не говорите про наш разговор, я не хочу, чтобы они знали про меня. (из интервью С. 12.03.19¹⁵.)

ПРАЗДНИКИ ГОДОВОГО ЦИКЛА

Годовой цикл наполнен рядом торжественных событий, имеющих отношение как к покоящимся на территории *даргаха* святым или почитаемым общемусульманским датам, так и к городским секулярным праздникам¹⁶. Из общемусульманских праздников с размахом проводятся Курбан-байрам («Мясной Ид») и Ураза-байрам («Сладкий Ид»). Отмечается день рождения пророка Мухаммада. Стоит особо отметить, что в традиции *даргаха* обязательным считается проведение Мухаррама. Мухаррам – это день скорби по сыновьям Али Хасану и Хуссейну, он считается по преимуществу шиитским праздником, однако, кроме этого, является важной датой и для всех суфийских братств, в том числе Чиштийа. Связано это с тем, что *силсила*, или духовная генеалогия любого братства, всегда восходит к Али как к носителю духовного наследия Пророка и его сыновьям.

¹⁵ У С., пришедшей на даргах с матерью, сложная идентичность: она ребенок от смешанного брака мусульманина и индустки, постоянно находится в духовном поиске, даже пыталась креститься. В каждой религии она находит как устраивающие, так и отталкивающие ее черты, например: «Мне ближе всего ислам, но не нравится их отношение к женщинам». В условиях поляризованного общества чувствует угрозу, исходящую от представителей каждой конфессии, поэтому не распространяется о своих взглядах. Автору повезло: явный чужак представляется нейтральным слушателем, которому можно с легкостью открыться.

¹⁶ В зависимости от конкретного события годовой цикл регулируется по смешанному календарю, как лунному, так и солнечному.

Али и Хуссейн считаются настоящими мусульманами. Здесь у суфиев и шиитов идеологии сходятся. Традиции на Мухаррам отличаются. Носим тазию, знамена, читаем фатию. Но не занимаемся самобичеванием.

Считают, что Хуссейн стоял на защите ислама, и суфии стремятся исполнить его цель. Гарибнаваз Аджмерский очень много в своей поэзии писал о Хуссейне. (Из интервью с А. 15.03.19¹⁷.)

Даргах Кутб уд-дина Каки, наряду с индуистским храмом Йогмайи, является одним из пунктов проведения Ярмарки Цветочников, *Пхульвало ки Сейр*. Это важное общегородское событие, поддерживаемое городскими властями из соображений укрепления межконфессионального мира (эту роль событие исполняет уже две сотни лет (см., напр.: [Dalrymple, 2007, p. 82])). Легенда приписывает учреждение этой даты Мумтаз Бегум, супруге одного из последних могольских императоров, Акбар Шаха II, по случаю освобождения их сына из английской тюрьмы. Ареной этого праздника становится весь район Мероли, и в особенности парк на берегу пруда Шамси Талаб в южной части района. В течение нескольких дней по городу проходят шествия со знаменами, цветочными гирляндами и музыкой, важными точками на пути колонн являются *даргах* и храм Йогмайи¹⁸. На берегу пруда и нескольких пустырях вокруг разворачивается огромная ярмарка, несколько дней выступают коллективы, организованно приезжающие из каждого индийского штата.

Вторая категория мусульманских праздников, характерная лишь для суфийского течения ислама, – это дни поминовения святых, *урсы* (подробнее см. ниже). На данном *даргахе* значимыми датами являются *урсы* самого Кутб уд-дина, его супруги, похороненного здесь же знатока Корана Кази Хамид уд-дина Нагори и еще нескольких учеников шейха. Несмотря на обилие дат, самым массовым, длительным и сложным по количеству сопутствующих ритуалов является *урс* похороненного в Адждмере Хваджи Муин уд-дина Чишти, учителя Бахтияра Каки.

Традицией братства Чиштиа всячески подчеркивается крепкая связь, существовавшая между учителем и учеником. Эта традиция оставила глубокий след в устройстве событий на их могилах и даже в географии. Так, на территории района Мероли есть мечеть, где, как считается, молились вместе Хваджа Муин уд-дин, Хваджа Кутб уд-дин и ученик последнего, Баба Фарид уд-дин Ганджшаккар. Материальное выражение связи между Фарид уд-дином и Бахтияром Каки заметно ослабло со времен обретения независимости в 1947 г., поскольку гробница Бабы Фарид уд-дина осталась на территории Пакистана. Но перед посещением *урса* адждмерского святого считается если не обязательным, то крайне желательным посещение гробницы его ученика в Дели.

¹⁷ А. – один из *пирзадеган*, хозяин книжной лавки, ему 30–35 лет. Интересно, что он совмещает в себе традиционное знание и научное мышление, получил в университете Джамиа Миллия Ислами степень PhD по религиоведению и умеет быстро переключаться между этими модальностями. Автору приходилось постоянно следить за тем, чтобы не подпасть под влияние его авторитета, поскольку мировоззрение А. вызывает симпатию. В книжной лавке продаются жизнеописания святых, сборники стихов, труды членов семейства *пирзадеган*, инструкции по составлению оберегов и проч. литература. По свидетельству А., обширный корпус агиографий требует тщательного отбора, поскольку в настоящее время значительная их часть сочиняется приверженцами радикально обновленческого течения Барелви. Идеология этого движения предлагает возвращение версии максимально примитивного, «дремучего» ислама, запрещает музыку, фотографию. Вместе с тем Барелви претендуют на статус истинных наследников средневекового суфизма и активно борются за аудиторию: проводят «суфийские конференции», «конференции Чиштиа», на которых члены Чиштиа практически не появляются, издают массу компилятивных трудов с цитатами средневековых шейхов. Эта деятельность ощущается современными суфиями как явная угроза.

¹⁸ Каждый информант давал свою, уникальную схему маршрута. С чем это связано – вопрос для отдельного исследования.

УРС УЧИТЕЛЯ. ИСТОКИ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ПРАЗДНОВАНИЯ

В прошлом, 2019 г. урс выпал на 14 марта. За три недели до праздника в *даргах* Бахтияра Каки в Дели собираются до четырехсот отшельников-мусульман различных *джамаатов*¹⁹, которые организованно являются почтить память святого, преподнести ему *чадары* и свои знамена. Это событие называется *Чхарион Ка Мела*, Праздник Посохов, и, по словам представителей, *пирзадеган* и работников гробницы:

*40–50 лет назад это была самая большая мела даргаха; сейчас постепенно традиция забывается. Джамаатами приходят малланги. Слегка будто каландары*²⁰. *Они будто хинду, джоги, бородатые, волосатые, в странных тряпках. Людям кажется, что они сумасшедшие. Каландары раньше были многочисленны.* (Из интервью А., 15.03.19.)

Вызвано уменьшение значимости этой *мелы*, по всей видимости, общим угасанием отшельнических движений, начавшимся еще в конце XIX в. благодаря борьбе с ними колониальных властей и изменению отношения к добровольной бедности в среде религиозных реформистов того времени [Green, 2014]. Часть мусульман уже давно не испытывает никакого пиетета по отношению к отшельникам, как, например, сотрудник Управляющего комитета *даргаха*, принадлежащий к обновленческому течению ислама:

Чхарион ка Мела – это люди, принадлежащие к очень бедным слоям. Они целый год копят деньги и приходят на урс Гарибнаваза со всех концов страны. За 17 дней до урса они собираются здесь и идут в Адджер пешком, поскольку у них нет денег. Комитет предоставляет им еду. (Из интервью с Ф., 18.03.19²¹.)

Как считается, *джамааты* пешком направляются в Адджер и там ударом посоха о ворота торжественно открывают урс. Со времени прибытия отшельников в район Мероли с каждым днем возрастает количество паломников, доходя в последние дни перед празднеством до нескольких тысяч. Точный учет никем не ведется, но известно, что за три дня до урса количество автобусов, следующих из различных населенных пунктов через местную автостанцию в Адджер, равнялось минимум 120.

Перед урсом каждый день приходят 3–5 тысяч человек, а во время урса – до 10 тысяч. (Из интервью с Ф., 18.03.19.)

На период праздника открываются частные *лангары*, устраиваемые имамами местных мечетей и членами *пирзадеган*. Туда уже можно попасть по приглашению, будучи лично знакомым с кем-то из хозяев или просто имея благопристойный вид. В центральном дворе между главным входом, воротами в двор с могилой шейха и дворе с мечетями ежедневно выступают исполнители *каввали* – группой или даже поодиночке.

¹⁹ Слово *джамаат* в Южной Азии означает устойчивую группу кочующих отшельников, причем не только мусульман: равным образом этот термин применяется к натхам, санньясинам и др. [Bouillier, 2014].

²⁰ *Каландары* – течение внутри суфизма, появившееся в Иране в IX–X вв., изначально – странствующие дервиши, выделявшиеся нарочитым презрением к общепринятым нормам морали. *Малангами* принято называть дервишей, не относящих себя ни к какому ордену, схожих внешним обликом с отшельниками-йогами, часто считающих себя учениками давно умершего либо легендарного шейха, устанавливающих с ним духовную связь. Иногда их называют *бе-шар*, т.е. «живущие не по исламскому канону», тогда как более организованные и многочисленные суфийские братства, будучи ближе к исламскому мейнстриму, обозначают себя как *ба-шар* (т.е. «живущие по шариату»). О разнице между *каландарами* и *малангами* и о том, почему в словоупотреблении эта разница не соблюдается, см.: [Ewing, 1984(2), p. 358–359].

²¹ Главный менеджер *даргаха* проводит рабочие часы либо в кабинетике возле ворот в *sancta sanctorum*, либо в судах из-за бесконечных тяжб с *пирзадеган*, Департаментом строительства Дели, местными жителями. Ему около 60 лет, относит себя к Деобанди, в беседе явным образом обесценивает и многие ритуалы (музыка – пустое божество), и сакральный статус *пирзадеган* («они называют себя потомками, но кто сказал, что они потомки? Они просто тут жили. А потом обнаглели и начали у каждого барыши кланчить»). Ф. работает уже 8 лет, устроившись на эту должность «по объявлению в газете».

Певцы живут здесь же. Ну, ты видел их здание. Они раньше были очень бедны, но сейчас каввали вошло в моду, разбогатели, ездят везде с выступлениями. Сейчас для них самое хлебное время. (Из интервью с М., 13.03.19²².)

В ночь перед *урсом* (в нашем случае 13 марта) после вечерней молитвы происходит замена *чадара*. На *даргахе* Бахтияра Каки это событие происходит дважды в год: в *урс* самого святого и в *урс* его учителя Муинуддина Гарибнаваза. В отличие от небольших *чадаров*, приносимых верующими на могилу ежедневно, основное покрывало покрывает всю площадь могилы (составляющую порядка 3×4,5 м) и остается лежать на ней от праздника до праздника. Именно этот *чадар* поднимают при совершении *кадам-боси*. Во время ритуала замены *чадара* наиболее ярко видна идея, лежащая в основе праздника и определяющая его морфологию.

Длинный широкий коридор, ведущий от главных ворот к центральному двору, прекрасно подходит для проведения такого рода ритуала. Сначала за закрытыми дверями группа *пирзадеган* сворачивает старое покрывало и уносит его с территории *даргаха*. Шествие с новым свернутым *чадаром* начинается с улицы, процессия шествует по коридору через центральный двор и заворачивает во двор с могилой святого. Ввиду позднего времени людей на *даргахе* немного, но в процессии участвует порядка двух сотен человек. Люди держат свечи и подносы с лепестками роз, несколько человек рассыпают мелкие купюры перед человеком, несущим на голове поднос с покрывалом. Нараспев исполняются молитвы. Процессия стремительно вливается в Sancta Sanctorum, в сопровождении молитв покрывало бережно разворачивают и укладывают на могилу. После этого люди рассыпаются по двору, поздравляют друг друга, ритуально делятся сладостями. Многие наносят на мраморный шкаф для свечей зеленую хну.

Все это – песни, шествие, рассыпание денег, хна – неперенные атрибуты *барата*, индийского свадебного обряда, что осознают и артикулируют сами участники процессии. Логику происходящего закладывает суфийское представление о празднике. В суфийской традиции смерть святого осознается как момент, когда его душа, освободившись от телесных оков, устремляется навстречу своему небесному Возлюбленному, соединяясь с Ним узами вечного брака. Само слово *урс* происходит от арабского عرس ('urs) – «свадьба». Морфология праздника продолжает выстраиваться и в другие дни путем исполнения *каввали*, поскольку многие поэтические тексты включают в себя элементы свадебной поэзии или строчки из народной женской поэзии, из песен о разлуке и ожидании встречи. Певец воспекает Господа в маскулинной терминологии, себя рисуя в феминных тонах [Anjum, 2013, p. 6–15]. Отношения «душа – Господь» дублируются отношениями «ученик – учитель», в поэзии описываемыми изоморфно [Шimmel, 1999, с. 297–310].

УТРЕННЯЯ ЦЕРЕМОНИЯ И ДАРЕНИЕ ХЛЕБА

На утро происходит основная двухчасовая церемония. К ней тщательно готовятся: двор *даргаха* вымыт и вычищен, все пространство с могилами закрыто коврами, открыты большие ворота. В 9 утра начинают заходить люди, окружают могилу, стелют *чадары*, посыпают цветочными лепестками, плещут розовую воду. С южной стороны стойка с микрофоном, за которой сидит ведущий, объявляющий повод для собрания; он приглашает всех рассесться и подзывает к микрофону чтецов. Стихи на современном урду, по видимому, собственного сочинения. В основном подходят мужчины почтенного возраста

²² М. – заместитель менеджера *даргаха*. Ему чуть больше 30 лет, он не углубляется в мировоззренческие вопросы, дружит с работниками еще одного святого места неподалеку, которых и *пирзадеган*, и члены Управляющего комитета считают пройдохами и мошенниками. То, что он работает на святой могиле за крайне умеренную плату, связано с пережитой личной травмой.

та, но есть и молодые люди, и мальчик лет тринадцати. Ведущий может мягко прекратить выступление, если чтец затягивает его. Еще через час люди начинают активно подтягиваться, к торжественной части в 11 часов все пространство двора плотно занято людьми. Стойку микрофона убирают, сидячие чтецы читают суры из Корана – примерно 20–30 минут. Вносят большую чашу с благовониями. Ставят в изножье могилы, ближе к юго-западному углу. Чтецы переходят к чтению славословия Гарибнавазу, аджмерскому шейху. На многих сидящих эти слова действуют достаточно сильно, некоторые плачут. Заканчивается славословие перечислением длинной *силсилы* Чиштийа, оканчивающейся Гарибнавазом, не забывают упомянуть и хозяина даргаха Кутбуддина. На протяжении всего действия люди продолжают подносить *чадары*, цветы, розовую воду. Примерно в 11:45 все заканчивается: ведущий благодарит всех за участие, все встают, и начинается хаотичное движение всех повсюду. Одни раздают *табаррук* в виде конфет и сладостей, другие устремляются к могиле. Особенная охота начинается за раздатчиками хлеба: в простых картонных коробках приносят лепешки, вскрывают их по углам дарбара, и это вызывает огромный ажиотаж. Раздача хлеба происходит и возле *самаханы*, и во внешних дворах, даже на ступенях перед главными воротами.

Это «Каки роти». Это особая лепешка, ее готовят лишь дважды в год, на урсы. Мы специально приехали сюда сегодня взять лепешку. Она несет большой баракат.

Что с ней делают? Надо привезти Каки роти домой и раздать всем домашним.

...Я не заходил на саму церемонию, там много людей. Мы с матушкой были здесь все время. (Из интервью с М. К., 14.03.2019²³).

Каки роти представляет собой вариант лепешки-*роти*, при приготовлении которой в тесто примешиваются пряности. С ней связана легенда, суть которой состоит в том, что в очень холодную погоду Бахтияр Каки накормил множество суфиев чудесным образом появляющимся горячим хлебом. Такие пряные лепешки можно готовить и в другие дни, но, ничем не отличающиеся по рецептуре, они не называются тогда *Каки роти* и не несут никакого сакрального значения.

После проведения церемонии и раздачи *табаррука* на *даргахе* некоторое время царит праздничное оживление, исполняется *каввали*, хозяева приглашают гостей посетить частные *лангары*. Уже через несколько часов все стихает, а через несколько дней количество паломников резко уменьшается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ход жизни на *даргахе* показывает бурную жизнь традиции, проходящей через перманентное переосмысление и изменение. Информанты указывают на появление или угасание ритуальных практик, находящихся в орбите центрального события (уменьшение значения и масштабов *Чхарион ка Мелы*, практика сдирания коры с дерева на территории *даргаха* или написания просьб к святому, и пр.). При этом само центральное событие и ежедневный ход событий на территории захоронения представляются неизменными.

Традиция изменяется гораздо медленнее, чем обрамляющие ее социально-экономические условия, но крупное религиозное событие является прекрасной призмой, преломляющей важные социальные процессы. Изучение *даргаха* дает богатый материал для изучения мусульманской общины города Дели на нескольких уровнях, и данная статья, конечно, дает ответы лишь на часть вопросов, поставленных в рамках исследования. Среди них, во-первых, борьба обладающих сакральным статусом потомков святого и обладающих полномочиями должностных лиц на *даргахе*, обнажающая противоречия тра-

²³ М. К. – простой посетитель, живет в другом районе города в полчасе езды на метро. Связан с *пирзадеган* другой святой могилы (Чираг Дехли).

диционалистского мышления и современного правового устройства. Во-вторых, коренная разница в мировоззрении мусульман различных толков (отражающаяся, к примеру, в отношении к *Чхарион ка Меле*), выливающаяся в борьбу за ресурсы, приверженцев и информационное пространство. В-третьих, объединяющая и примиряющая роль захоронения, важная для межконфессионального общения, на которой делают акцент городские власти, поддерживая проведение Ярмарки Цветочников.

Если же сосредоточиться лишь на пространстве *даргаха* и ходе проведения событий, само понимание того, что представляет собой *даргах*, оказывается весьма подвижным: это прежде всего пространство, по-разному конструируемое в различных коммуникативных ситуациях. Границы сакрализованного пространства не вполне совпадают с юридическими и кадастровыми определениями, постоянно оспариваемыми в суде, само понятие *даргаха* включает в себе не только физический объект, но и живущих и работающих там людей, этикет поведения там, *табаррук*, который можно унести с могилы, ритуальный бизнес на прилегающей улице, легендарную биографию святого, тысячи нитей, которыми он связан с другими локациями. Посещение святыни и совершаемые ритуалы перестают быть сугубо религиозным действием, но превращаются в культурное явление и важный аспект самоидентификации не только для мусульман суфийского толка, но и для представителей иных религиозных направлений. Индивид может руководствоваться при посещении *даргаха* заведенным обычаем, любопытством, ассоциацией себя как местного жителя в районе Мероли или городе Дели, верой в могущество святого – спектр причин крайне широк. Лишь в самых центральных событиях *урса*, замене *чадара* и чтении стихов и *фатихи*, участвуют преимущественно мусульмане, тесно связанные с *даргахом*. На *урс* могилу посещают тысячи паломников, среди которых немало и не-мусульман. *Даргах* актуализирует традиции религиозного синкретизма, характерные для Индии доколониальной эпохи, поддерживает маргинальные для модернистского сознания практики и сообщества (такие, как *каландары*). Таким образом, локальная религиозная практика канализирует поведение самых широких групп населения и формирует городской социальный ландшафт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Суворова А.А. *Мусульманские святыне Южной Азии XI–XV веков*. М.: ИВ РАН, 1999 [Suvorova A.A. *Muslim Saints in South Asia in 11th–15th centuries*. Moscow: IOS RAS, 1999 (in Russian)].

Шimmel А. *Мир исламского мистицизма*. Пер. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт, М.: Алетея, Энигма, 1999 [Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*, Tr. by N.I. Prigarina, A.S. Rapoport, Moscow: Aletheia, Enigma, 1999 (in Russian)].

Anjum T. Bridal Symbolism in the Sufi Poetry of Islamicate South Asia: From the Earliest Times to the Fifteenth Century. *Pakistan Journal of History & Culture*. NIHCR, Islamabad. Vol. XXXIV, No. 1. Jan.–June 2013. Pp. 1–16.

Bouillier V. *Nath Yogis' Encounters with Islam*. 2014. https://www.academia.edu/12459534/Nath_Yogis_Encounters_with_Islam. (accessed: 20.07.2019).

Dalrymple W. *The Last Mughal. The Fall of a Dynasty. Delhi. 1857*. Gurgaon: Penguin Books, 2007.

Ewing K.P. The Sufi as Saint, Curer, and Exorcist in Modern Pakistan. *Contributions to Asian Studies*. 1984(1). No. 18. Pp. 106–114.

Ewing K.P. Malangs of the Punjab: Intoxication or Adab as the Path to God? *Moral Conduct and Authority: The Place of Adab in South Asian Islam*, Barbara Metcalf. Berkeley: University of California Press, 1984(2). Pp. 357–371.

Green N. Breaking the Begging Bowl: Morals, Drugs, and Madness in the Fate of the Muslim *Faqir*. *South Asian History and Culture*. 2014. Vol 5(2). Pp. 226–245.

Rahman F.N. Spiritual Healing and Sufi Practices. *Nova Journal of Sufism and Spirituality*. Vol. 2(1). 2014. Pp. 1–9.

Taneja A.V. Saintly Visions: Other Histories and History's Others in the Medieval Ruins of Delhi. *The Indian Economic & Social History Review*. 2012. No. 49(4). Pp. 557–590.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТУКАЛИН Глеб Дмитриевич – аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Gleb D. STUKALIN, Postgraduate Student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.